

Иероним Ясинский

Втуненко

Иероним Иеронимович Ясинский

Втуненко

«Дом, в котором помещалась редакция „Разговора“, стоял во дворе. Вышневолоцкий вошел в редакцию и спросил в передней, где живет редактор „Разговора“ Лаврович.

– А они тут не живут, – отвечал мальчик в синей блузе, выбегая из боковой комнаты.

– А где же?

– А они тут не служат.

– Редакция „Разговора“?

– Типография господина Шулейкина...»

**Иероним Ясинский
Втуненко**

Дом, в котором помещалась редакция «Разговора», стоял во дворе. Вышневолоцкий вошел в редакцию и спросил в передней, где живет редактор «Разговора» Лаврович.

– А они тут не живут, – отвечал мальчик в синей блузе, выбегая из боковой комнаты.

– А где же?

– А они тут не служат.

– Редакция «Разговора»?

– Типография господина Шулейкина.

– Но ведь вывеска, что редакция помещается...

– Здесь, здесь! – крикнул из глубины передней хриплый голос. – «Разговор» здесь! Пожалуйста! Что угодно?

Из-за грязного шкафа, разделявшего переднюю на две половины – темную и светлую, – выглянула незнакомая физиономия с толстым, смешно приставленным к лицу носом алого цвета и с длинной беззубой улыбкой.

– Вам что?

– Хотелось бы повидать Лавровича...

– Зачем?

– Надо.

– Как редактора? Господин Шулейкин его

рассчитал. Чересчур расписался! И стихами, и прозой начал валять! Прошу покорно пожаловать... Вы не господин Стародубов?

– Нет, я Вышневолоцкий.

Петербургский литератор с любопытством окинул взглядом редакцию московского журнала, объявившего его своим сотрудником. Грязная клеенка покрывала стол, на котором лежали первые номера «Разговора» с безвкусными виньетками. Два белых простых стула стояли по сторонам стола. На подоконнике лежали ваксенные щетки.

– Господин Вышневолоцкий! Очень приятно! Давно изволили пожаловать в Москву? Не по вызову ли господина Лавровича? Но я за него. Хозяин прямо сказал: «Корнил Саввич, разговаривайте!» Да, журналчик был бы хороший, если бы умеючи взялся. А то ведь чего только нет: и Бисмарк, и Гладстон[1], и спиритизм, и полемика с «Московскими ведомостями»[2], и полемика с «Русскими ведомостями»[3], и порнография, и славянофильство! Эх, грехов много – не могу я сам быть редактором, не утвердят: что я сделал бы! Журналисты от зависти лопнули бы!

Он с сожалением покачал головой, «Какой у него шагреневый нос, – подумал Вышневолоцкий, – как наперсток, истыкан».

Московский журналист продолжал:

– Я на литературе зубы съел! Полстолетия честно служу высшей идее! У меня взгляды и глубокое образование. Я со всеми корифеями был знаком... С Тургеневым, с Некрасовым... Вам удивительно?

– Мне по своим делам... Дайте адрес Лавровича! – проговорил Вышневолоцкий.

– Лаврович станет порицать меня и издателя, – начал журналист, оторвав кусочек бумаги и макнув перо в закапанную чернильницу, – так вы не очень-то верьте. Господин Лаврович забрал до двух тысяч денег еще в прошлом году, когда журнала не было. Весь год жалованье получал. Господин Шулейкин, бывало, каждое первое число на себе волосы рвет от чрезмерного горя, расставаясь с двумя радужными и, так сказать, бросая капитал на ветер... Получите адрес господина Лавровича.

Рот его растянулся в добродушную улыбку, и на кивок Вышневолоцкого одною головою он стал низко кланяться всем станом.

На улице Вышневолоцкий услышал, что его кто-то зовет. Он оглянулся: за ним бежал журналист в рыжем ветхом пальто и в облезлой меховой шапке.

– Господин Вышневолоцкий! Вышневолоцкий! А Вышневолоцкий!

Вышневолоцкий покосился из-за своих бровей на темного московского писателя, которого он не знал даже по фамилии и нос которого особенно ярко алел под золотистым лучом солнца-невидимки, скрытого высокими каменными домами.

– Позвольте узнать, вы *тот* Вышневолоцкий?

– Что вы хотите спросить? – произнес Вышневолоцкий, улыбаясь.

– Сочинитель романа «Силуэт»?

– Да.

Старик с умилением схватил его за руку.

– Читал! Все выдающееся читаю! Как же, с большим удовольствием! Был тронут! Дважды прослезился! Господин Вышневолоцкий!

Он замолчал, не находя слов или опасаясь высказать свое желание, и только уловив в глазах Вышневолоцкого что-то вроде распо-

ложения к себе, произнес:

– Отправляюсь завтракать... Живу близко, на Живодерке. Сделайте честь, ко мне хоть на пять минут. Позвольте представиться: Корнил Саввич Втуненко. По происхождению – малоросс, автор повести исторического характера: «Василий Темный»...[4] Прошу! Эй, на Живодерку, пятнадцать копеек!

Вышневолоцкий хотел сначала отказаться, но вспомнил, что действительно когда-то в детстве читал «Василия Темного», и решил заехать к Корнилу Саввичу из благодарности и из любопытства.

Миновав множество деревянных домишек, извозчик остановился у ворот, над которыми торчала жердь с надписью: «Сие место продается участками». Корнил Саввич пошел вперед по мосткам, Вышневолоцкий следовал за ним и глядел вокруг на огромный пустырь, расстилавшийся по обеим сторонам мостков. Вдали виднелся желтый деревянный жиденский дом, о двух этажах, без всяких служб и сараев. Корнил Саввич торопливо и неровно семенил ногами. Он был в истоптанных сапогах. Его синие брюки были отрепаны назади

каблуками, и чья-то заботливая рука заштопала их и наложила заплатки из черного сукна.

Перед самым домом лежала, выделяясь на снегу, мусорная куча. Вороны клевали ее и с хриплым криком кружились в воздухе. Корнил Саввич, радостно улыбаясь, сказал:

– А право, тут можно охотиться. Прежирные бестии!

Он посмотрел на ворон и прицелился палкой.

– Пожалуйте, пожалуйте! По лестнице, сюда! Не бойтесь, что скрыпит: новый дом, осенью строен, еще не успел устояться.

Холодная стеклянная галерея окружала второй этаж. Корнил Саввич вел гостя мимо нечистых корыт и матрацев, которые, по его объяснению, вымораживались во избавление от некоторых мучителей, неразлучных будто бы со всяким новым домом.

– В опилках заводятся... самозарождение!

Наконец он постучал в дощатую некрашеную дверь. Вышневолоцкий зажал нос; какая-то маслянистая вонь отравляла воздух квартиры. На перегородку брошены были

платья, полотенца и просто тряпки.

Красивая женщина, цыганского типа, с болезненным худым лицом и неопрятными волосами, выглянула и спряталась.

– Жена – Марья Саввишна, – молвил Корнил Саввич и потер руки.

Вышневолоцкий вошел по приглашению хозяина в небольшую светлую комнату.

Каштановый сеттер с умными, как у человека, глазами лежал на ковровой подстилке. Перед ним стояла чашка с нетронутой овсянкой и вода в разбитом горшочке. Увидав хозяина, сеттер слабо повилял хвостом.

– Моя гордость! – вскричал Корнил Саввич, – несказанной красоты! Кличка – Перл. На стене, под стеклом – похвальный лист Перлу. На собачьей выставке всех удивил! За него двести дал, а пятьсот предлагали, да я отверг. Еще не дошел до того, чтобы собаками торговать. Перлушка, милый Перлушка! Что приуныл, брат, что призадумался? Болен, бедняжка! Не хочется к ветеринарам обращаться – живо уморят, Марья Саввишна, давала ему серку? Перлушка, милый мой Перлушка!

Корнил Саввич нагнулся, пес привстал и

лизнул его в губы.

Вышневолоцкий сел на венский расшатанный стул и поднес к носу свой белый надушенный платок, потому что все еще не мог привыкнуть к зараженному воздуху, который, однако, не смущал хозяев. Бедность и неряшливость царили в комнате. Постель в углу незастлана. Вороха газет, между которыми видное место занимал «Разговор», валялись на комод и на полках покосившейся этажерки, на столе. Сырость намочила обои. Внизу двойных рам были сделаны деревянные желобки, и их наполняла вода, струившаяся со стекол.

– Неприглядное жилище? – спросил Втуненко. – Семнадцать рублей плачу, – ух! как трудно достаются. Марья Саввишна, нам бы закусить чего-нибудь! А главное, водочки, водочки! капельку!

Он показал на пальце, сколько именно водочки.

– Корнил Саввич, я считал вас гораздо старше, – начал Вышневолоцкий. – Ни одного седого волоса... Сколько вам лет?

– Шестой десяток идет... Что, молод?

– «Василия Темного» я читал еще в первом классе гимназии... помню, с картинкой.

Втуненко закинул голову и хвастливо посмотрел на Вышневолоцкого.

– Теперь не пишут исторических романов, – сказал он.

Вышневолоцкий не возразил ничего.

– Нет той эрудиции! – начал Корнил Саввич, помолчав. – Марья Саввишна, помнишь «Силуэт»? Это – их сочинения!..

Марья Саввишна вошла с тарелкой в руке и с графинчиком.

Вышневолоцкий встал.

Марья Саввишна была в красной кофточке, застегнутой не на все пуговицы: их не доставало там, где они более всего были нужны. Поставив завтрак на стол, Марья Саввишна протянула гостю руку.

– Здравствуйте, не взыщите за угощение. Я, Корнил Саввич, купила наваги на десять копеек, да гусиных ланок.

Вышневолоцкий понял, что воздух был отравлен навагою, которой он терпеть не мог.

– Ну, будем же здоровы! – произнес Корнил Саввич, держа рюмку у рта. Он медленно про-

глотил водку, помотал головой и налил Марье Саввишне. – Она пьет не хуже меня!

– Неправда! Вот уж неправда! Я пью для удовольствия, а ты из жадности.

– Что же вы не закусываете? – спросил Корнил Саввич.

– Они непривычны к нашей пище, – произнесла Марья Саввишна. – Кушайте лапки.

Вышневолоцкий взял лапку.

– Почему нападаете вы на Лавровича? – начал Вышневолоцкий. – Я сейчас поеду к нему, и, может быть, недоразумение, которое возникло, мне удалось бы уладить.

– Ах, нет, напрасная забота-с! – вскричал Корнил Саввич. – Я одному только удивляюсь, что как вы, будучи истинно либеральным писателем, можете находиться в каких-то отношениях с господином Лавровичем? Господин Лаврович держится устарелых взглядов, несмотря на свою сравнительную молодость, и принадлежит к партии Страстного бульвара[5]. Да-с.

– Неужели? – сказал Вышневолоцкий. – А вы говорили, Лаврович завел полемику с «Московскими ведомостями».

– Признаюсь, полемика-то была с «Русскими ведомостями», а я, по праву корректора, переделал... Так что ему должно влететь от Страстного бульвара-с.

Вышневолоцкий улыбнулся и спросил:

– Вы корректором в «Разговоре»?

– Управляю типографией Шулейкина и вместе корректор. Конечно, корректор корректору рознь... Другой не посмел бы. А я напутал: хозяин давно просил выставить господина Лавровича. Хозяину надо, чтоб журнал ничего не стоил, чтоб купцы платили за бесчестье, чтоб сотрудники печатали у нас ябеды и еще нам платили!

– Послушайте, я не пойму – вы за кого же собственно?

Корнил Саввич выпил рюмку водки и, блеснув глазками, шепотом произнес:

– За себя-с, за сохранение своей престарелой униженной личности!

Вышневолоцкий вдумчиво посмотрел на него; Корнил Саввич отвернулся.

– Марья Саввишна, – сказал он, беря жену за руку, – сколько нам, душа моя, необходимо в месяц денег?

– Да, если не пить, Корнил Саввич, то пятьдесят рублей надо. Меньше никак нельзя! – обратилась она к Вышневолоцкому и сделала жалобное лицо.

– А с питьем, Марья Саввишна?

Она улыбнулась.

– Много ты жрешь водки, Корнил Саввич. Господь тебя знает! Иной месяц на двадцать, а иной сотню пропьешь.

– Вместе с тобой, Марья Саввишна, вместе с тобой!

– Что срамишь меня при чужих людях?

– Ну, а все ж таки... Так вот, господин Вышневолоцкий, сколько денег нам надо, чего требует наша личность! Только не подумайте, что я принцип продам за рюмку водки. Нет-е, я человек стойкий. Меня какие люди уважали! Но ежели с одной стороны Лаврович, а с другой Шулейкин, то наплевать. Бьюсь как рыба об лед, ибо вечно, ежечасно, ежеминутно желаю есть, а также имею потребность кормить семью, состоящую из Марьи Саввишны, сына Андрея и из бесценного Перла. Поднимающий меч от меча погибнет. Лаврович считал меня старым псом, которого

пора выбросить. Но я жить хочу, и вся моя семья точно так же желает жить. Я насмотрелся на своем веку на такие вещи, что не поверите, если я вам расскажу. Шулейкин гроше-луп, низкая тварь, но он, на мой взгляд, выше Лавровича и многих других деятелей, имена которых ныне гремят в литературе. Никто не стал бы меня держать, а господин Шулейкин держит. Теперь скажите, за кого я должен стоять?

Он налил три рюмки водки и пригласил любезною улыбкой жену и гостя выпить. Вышневолоцкий едва дотронулся губами до рюмки. Он внимательно слушал Кориила Саввича. До сих пор он вращался в той литературной среде, которая всегда пользуется и уважением и достатком.

Он первый раз был в жилище забытого, несчастного старика, который считался когда-то почтенным литератором и теперь впал в нищету, испьянствовался и дошел до какого-то нравственного отупения... А между тем было же у него назади светлое время, когда он знался с «корифеями» и когда для него «принцип» не был звуком пустым... Хорошо

еще, что какой-то подлый Шулейкин эксплуатирует старика. Что было бы о Корнилом Саввичем без Шулейкина?

– Не смею осуждать вас, Корнил Саввич, – сказал Вышневолоцкий. – Мне понятны причины, почему вы против Лавровича. Но я его помню хорошим человеком... Он мой товарищ.

– Хороший человек! У цензора крестил детей!

Вышневолоцкий рассмеялся.

– Что ж, если цензор порядочный человек! Гончаров был цензором[6].

– Литератор – особа священная, – возразил Корнил Саввич и надменно указал на свою грудь.

– К нам околоточный в гости ходит, – начала Марья Саввишна, – тоже обожает литераторов.

– Ну, ну, ну! Какой околоточный! Рехнулась, матушка?

– А Николай Константинович?

Корнил Саввич тихонько показал жене кулак и пояснил гостю:

– Зря болтает моя Марья Саввишна! Кто по-

думает, и в самом деле я с участком имею сношение! Она меня подведет! Между нами, околоточный ходил с повесткой; я учинил дебош... Да, я еще дебошир! А Марья Саввишна сейчас: к нам ходит околоточный!

Он сплюнул; Марья Саввишна хранила молчание.

– Господин Вышневолоцкий! Насчет стариков сложилось такое мнение, что ежели сед, то и ретроград. Ошибка-с. Вот я, к примеру... На Татьянин день меня, как одного из старейших и благороднейших студентов Московского университета, на руках качали...[7] два пальца вывихнули... Нет дыма без огня, и если обо мне сложилось мнение добропорядочное, – значит, я добропорядочный. И вы меня с детства знаете, а Марья Саввишна околоточного называет по имени и отчеству! Нехорошо, Марья Саввишна, – обратился он к жене, – могут подумать, что ты не супруга Корнила Саввича Втуненко и что Корнил Саввич не образовал тебя, а, взяв из мастерской, где ты шила рубашки разным околоточным, представил тебя твоему собственному глубокому невежеству.

– Оставь уже, Корнил Саввич, замолчи! – сказала со смехом Марья Саввишна. – Без тебя видят наше образование... Что у вас на сюртуке: булавка модная?

Вышневолоцкий посмотрел на петлицу своего сюртука: певица, у которой он утром был в гостях, приколола ему на прощанье веточку свежего гиацинта. Он сказал?

– Нет, цветок.

– А я думала, что новая мода, – произнесла Марья Саввишна и вздохнула. – Пахнет?

– Слабый запах.

Марья Саввишна наклонилась к цветку, понюхала и опять вздохнула.

Толстый желтый кот мягко прыгнул на постель и мяукнул. Марья Саввишна взяла с тарелки пальцами головку наваги и подала коту.

– Знаете, сколько ему лет? – спросил Корнил Саввич. – Без малого пятнадцать. Пятнадцать лет мы женаты с Марьей Саввишной, пятнадцать лет кот свидетелем нашей борьбы за жизнь. Эх, много видел он горя! Дети каждый год умирали – случалось, голодной смертью. Я по три года без работы сидел.

– А собак покупал, – заметила Марья Саввишна.

– А собак покупал, верно-с. Без собак никогда не мог жить. Мое имя не раз было пропечатано, благодаря собакам. Портрет в журнале «Охота» и под портретом: собака такого-то. Какой-нибудь граф или миллионер читает и думает: должно быть, Корнил Саввич Втуненко богат; а Корнил Саввич Втуненко прозябает во мгле и пухнет на соломе... Поняли вы мой характер? Перл! Иси! Ну, Перлушка, встань! Встань, милый, порадуй меня!

Сеттер, неподвижно лежавший на подстилке, оживился и, виляя хвостом, подошел к хозяину.

– Будь здоров, Перлушка!

Корнил Саввич выпил. Он ничем не закусывал и только подносил к носу кусок черного хлеба, сильно нюхая его.

– Я вам сейчас покажу, какой у меня умница Перл. Смотри, Перлушка, ты болен, но любишь жареную рыбку...

– Андрюше надо оставить, – робко сказала Марья Саввишна.

– Останется. Гость ничего не ест... Перлуш-

ка, смирно!

Корнил Саввич положил на нос Перлу на- вагу и начал:

– Ел Греч, ел Булгарин[8], ел Лаврович, ел Шулейкин, ел Страстной бульвар...

Сеттер стоял неподвижно, опустив хвост, покорно глядя на хозяина своими красивыми, большими глазами.

– Ел Корнил Саввич Втуненко!

Пес подбросил носом рыбку и схватил ее в воздухе раскрытою пастью. Корнил Саввич с торжеством посмотрел на гостя.

«Тенденциозная собака», – подумал Вышневолоцкий.

– А кот не умеет?

– Выжил из ума... А впрочем, до сих пор амуруется. А жирный, каналья. Сала много. Говорят, за границей котов едят...

Корнил Саввич с задумчивой, сластолюбивой улыбкой стал ласкать кота.

– Андрюша! – позвала Марья Саввишна сына. – Иди!

Вошел мальчик-горбунчик, с старообразным лицом и острыми плечами, приподнятыми до ушей.

– Поклонись гостю! – скомандовал отец. Горбунчик издали шаркнул ножкой.

– Кушай, детка.

Мать подала ему ломоть хлеба и пару рыбок. Андрюша отошел в сторону, к окну, и молча съел завтрак. Потом он поклонился гостю и, сказав: «Покорно благодарю вас, папаша и мамаша», – ушел назад.

– Хорошо учится... – произнес отец. – Ну-те, что же вы приуныли? Марья Саввишна, прося! Выходит так, что я один пью... Не хотите? Один выпью!

Алый цвет шагреневого носа Корпила Саввича стал еще гуще, щеки покрылись сине-багровым румянцем. В узеньких глазах блестела влага того пьяного бессмыслия, которое так противно трезвым людям. Но Корнил Саввич еще крепился и не хотел показать, что он пьян.

– Василий Темный! – говорил он, – не ожидал, что встречу... Василий Темный был великий государь. Но только я на его слепоте теорию построил. Сам Герцен погрозил пальцем: умно, Корнил Саввич, умно! А я его в ручку... Но, позвольте, вы к нам или в Петербург? Мое

дело сторона, есть тут купец Самореин и очень нуждается в легком пере, потому что фабричный инспектор уголовщину возводит, а у него, надо сказать... – Корнил Саввич подмигнул Вышневолоцкому и дополнил речь жестом, который состоял в движении пальцем по неопределенному направлению.

Вышневолоцкий встал и начал прощаться. Хозяева удерживали его. Корнил Саввич едва стоял на ногах. Когда он сидел, то не казался таким пьяным. Вышневолоцкий уронил шапку – старик бросился поднимать ее и поскользнулся.

– Пьяненький, – сказала Марья Саввишна. – Что юродствуешь? Иди спать на диван.

Корнил Саввич поднялся, улыбаясь и мотая головой.

– А, не правится! Расскажу им, какой ты муж и каково мне с тобой. Был у нас, знаете, диван и надоел до того, что не могу видеть. Я позвала хламщика и продала диван за два рубля. А хламщик встречается через неделю и говорит: благодарю вас, Марья Саввишна, купил диван за два рубля, а в диване, под спинкой, нашел пять рублей... Кто же, как не Кор-

нил Саввич? От жены прячет деньги и кутит, а людям говорит, что мы вместе пьем.

Корнял Саввич стоял, сонно улыбаясь. У Марьи Саввишны глаза горели, как угольки: ей было жаль пяти рублей. В отворенную дверь виднелось пространство за перегородкой. Там у окна сидел горбунчик, подперши голову рукой, и задумчиво смотрел вдаль, на златоглавую Москву.

Вышневолоцкий еще раз простился с хозяевами и ушел.

Тяжело было у него на сердце.

Сноски

1

Гладстон Уильям Юарт (1809–1898) – английский государственный деятель.

[^^^]

«*Московские ведомости*» – газета, выходившая с 1756 по 1917 г. Со второй половины XIX в. стала крайне реакционной.

[^^^]

3

«*Русские ведомости*» – газета, выходившая в Москве с 1863 по 1918 г. В 80-е годы имела либерально-демократическое, народническое направление.

[^^^]

4

Василий Темный (Василий II, 1415–1462) – великий князь Московский (с 1425). В 1446 г. был ослеплен его противниками, претендентами на московский престол (отсюда и прозвище – «Темный»).

[^^^]

5

На Страстном бульваре в Москве находилась редакция газеты «Московские ведомости».

[^^^]

6

Писатель Иван Александрович Гончаров (1812–1891) с 1856 г. был цензором Петербургского цензурного комитета, с 1863 по 1867 г. – членом совета министров по делам книгопечатания.

[^^^]

Татьянин день, день св. Татьяны по церковному календарю – 12 января, дата основания Московского университета (учрежден в 1755 г.). Татьянин день ежегодно отмечался студентами и бывшими выпускниками университета.

[^^^]

Греч Николай Иванович (1787–1867), Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) – русские журналисты и писатели, издававшие совместно реакционную газету «Северная пчела».

[^^^]